УДК 82-1:821.161.1

ББК Ш9(2Рос=Рус)6 *ГСНТИ* *Код ВАК 17.82.10*

Л. Д. Гутрина
Екатеринбург, Россия

РЕБЕНОК И СОЦИУМ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ (А. ГИВАРГИЗОВ, Е. КЛЮЕВ)

Аннотация. *Рассматривается воплощение в текстах современных поэтов школьной темы — вопросов социализации, взаимоотношений детей и учителей, родителей. Раскрывается семантика милитаризации образа школы в творчестве А. Гиваргизова, подоплека его поэтики перевертышей, функции старомодного слога в книге Е. Клюева «Учитиеля всякой всячины».*

Ключевые слова: *ранняя социализация; ребенок и социум; образ школы в современной поэзии; милитаризация образа школы.*

L. D. Gutrina
Ekaterinburg, Russia

CHILD AND SOCIETY IN MODERN POETRY FOR CHILDREN (A. GIVARGIZOV, E. KLIUEV)

Abstract. *The problem of embodiment in the texts by contemporary poets questions of school theme such as questions of socialization, relations between children and teachers, parents is investigated. Semantics of militarization of the school image in the works by A. Givargizov, functions of old-fashioned style in the book by E. Kliuev «Teachers of All Sorts of Things» are disclosed.*

Key words: *early socialization; child and society; school image in modern poetry; militarization of school image.*

Сведения об авторе: *Гутрина Лилия Дмитриевна, доцент кафедры современной русской литературы.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

About the author*: Gutrina Liliya Dmitrievna, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian Literature.*

Place of employment: Ural State Pedagogical Univerisity (Ekaterinburg).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 279.*
e-mail: gutrina@bk.ru.

Ранняя социализация — обычное явление наших дней. Школы развития, группы для дошкольников в школах искусств, курсы для 5-6-летних в общеобразовательных школах давно стали повседневностью. Считается дурным тоном не водить куда-либо подрастающее чадо. Родительское желание «шагать в ногу» со всеми, а значит, со временем, объясняется вроде бы желанием добра ребенку: выявить таланты, раньше начать их развивать, помочь маленькому вписаться в коллектив, научить дисциплине, которая поможет хорошо учиться. Результат подобных устремлений родителей оказывается не совсем таким, каким планировался. К первому классу ребенок достаточно много знает, но школа уже не является для него влекущей и интересной; а главное, ребенок уже сильно устал к ней готовиться (на подготовительных курсах задают немало) и успел почувствовать — кто в большей, кто в меньшей степени — страх: а вдруг я сделал неправильно? а вдруг я не успею? а что будет, если я не решу?

Именно эта коллизия — усталость ребенка от школы — стала центральной для книги А. Гиваргизова «Про драконов и милиционеров» (2006).

При всем при том самая первая и интенсивная реакция на книгу Гиваргизова — это смех. Во многом реакция программируется визуальным обликом книги: она иллюстрирована Еленой Блиновой, создавшей образ неумелого, наивного, но по-своему точного детского рисунка. Иллюстрации Е. Блиновой многогеройны, динамичны, полны мелких деталей, содержат текстовые фрагменты — все это привлекает маленького читателя. Сам А. Гиваргизов в интервью радио «Эхо Москвы» говорил о важности совпадения текста и иллюстрации, высоко оценивая необычные иллюстрации Елены Блиновой [Книжное казино].

В заглавие книги Гиваргизова вынесена пара образов, первый из которых (Дракон) является воплощением злой сказочной силы, второй (Милиционер) символизирует санкцию, порядок, принуждение. И тот и другой в русской культуре — устойчивые знаки власти, догмы (вспомним Милицанера Дмитрия Александровича Пригова). Однако драконы и милиционеры в книге А. Гиваргизова совсем не страшные. В стихотворении «Непослушный ребенок» Дракон изображен как терпеливый папочка: *Дракон объяснял пятнадцатый раз/ (Никогда не кричал на ребенка):/ Если видишь, написано „газ“,/ „Бензин“ — то это колонка / Для заправки автомашин./ А ты выдыхаешь пламя! / На этих колонках вообще не дыши! / Понял? Махни головами* [Гиваргизов 2006: 104]. В другом стихотворении Милиционер и Дракон душевно беседуют; из беседы становится ясно, что Дракон — тонкая натура, а Милиционер искренне желает добра и процветания Дракону: *У дракона три головы / И крылышки как у птицы. / Бабочек ловит! Лучше бы вы, / Дракон, служили в милиции. / Сильнее медведя, умнее совы! / Зачем вам эта пещера?! /Подумайте, ладно? Три головы —/ Редкость для офицера. / Давно бы были уже майор. / Вот вам мой телефон… / Что? Не можете жить без гор? / Глупости это, дракон* [Там же: 106].

Третий персонаж в книге, воплощающий власть и представляющий третью голову «чудища», — генерал (раздел «Генералы»). Он также существо безобидное: любитель и защитник кошек (стихотворение «Генерал уезжает» [Там же: 79], театрал («Печальный случай» [Там же: 88]), работник школьного гардероба («Генерал. Военный совет» [Там же: 75]), дачник («Генерал без фуражки» [Там же: 85]).

Итак, все образы, связанные с санкциями, запретами, догмами, трансформированы у Гиваргизова в знаки нормы человеческой жизни.

Генералы и Драконы в книге Гиваргизова защищают детей от иного зла — от школы. В стихотворении «По коням» заскучавшая без дела рота во главе с генералом сидит на берегу реки;

© Гутрина Л. Д., 2011

…в это же время мальчик зачем-то куда-то / Шел, а точнее он полз после школы убитый. / Роту увидел и крикнул: — Чего ж вы, ребята?! / Вы тут сидите, а там педагоги-бандиты / Заняли школу, к доске отвечать вызывают / Лучших людей, указками колют в живот. / — Вот и отлично, — сказал генерал, вытирая / Нос рукавом. — По коням, четвертая рота! [Там же: 78]. Школа у Гиваргизова — по-настоящему милитарный образ; при чтении стихотворений об учителях вспоминается лицемерная жалоба Власа, лентяя и лоботряса: «Прошу письмо к учителю, учителю-мучителю». Атрибуты школы не по-детски суровы: школьной тетрадкой можно оглушить *большущего дядьку,* потому что тетрадки бывают *в тяжелых чугунных обложках* (стихотворение «Тетрадь» [Там же: 51]); дорога в школу и из нее сопряжена с опасностями: *Дети в школу еле-еле / Шли. Им град царапал лица…* (стихотворение «Пять Капиц» [Там же: 47]); *Вот ползет домой из школы / По-пластунски Саша Зверев. / Головой на перемене / Он ударился о дверь* (стихотворение «Вот ползет» [Там же: 44]).

Принцип перевертыша — когда зло оказывается добром, а добро выглядит устрашающе — распространяется в книге Гиваргизова на образ ребенка и его окружения. Нередко ребенок показан в ситуации работы над собой («Как я сам себя заставляю бегать каждое утро, даже зимой» [Там же: 65]), чаще всего он чрезмерно рассудителен и скептичен: *На велике надоело, / С компьютером до смерти тоже. / Пойти, что ль, уроки поделать? /Хотя, ну чего там может / Быть интересного. У- / роки и в тундре уроки. / Пойду утоплю тоску / В двухлитровой бутылочке коки* («У» [Там же: 34]; в стихотворении «Фить!» мальчик так отвечает птице, просящей у него бутерброд: *— Нет, извини, сейчас не зима. / Смотри, в траве сколько мух! / Вот и прыгай за ними сама, — / Ответил я птице вслух* [Там же: 95]; мечта ребенка — *Дедушкам в школу не надо ходить. / вот бы имне до такого дожить* [Там же: 45]. По мнению одного из критиков, Гиваргизов показывает тотальный скептицизм нашей эпохи, охвативший и детское сознание: «Герой стихов А. Гиваргизова — герой трагический. Пожалуй, Гиваргизов первым обнаружил это в наших современниках, и самое печальное, обнаружил эту потерянность и обреченность в детях» [Артур Александрович Гиваргизов].

По контрасту с ребенком изображаются в книге родители; папа выступает хулиганом *(Уроки надо делать, но / Поверь, совсем не обязательно. / Ты посмотри вокруг внимательно: / Аттракцион, кафе, кино, / Футбол, велосипед… Так вот, / Наплюй на все, послушай папу: / Давай, бросай тетради на пол, / Смелее, мама подметет!* [Гиваргизов 2006: 36]), а мама ведет себя как ребенок-нытик, упрашивая сына встать в угол *(Встань, пожалуйста, в угол. / Ну что, тебе трудно встать? / Я хоть немного, Сережа, / Должна тебя наказать. / Ведь ты разбил всю посуду / И шкаф с одеждой поджег. / Противно слушать? Не буду. / Ну, встань, ради мамы, сынок* [Там же: 35]).

Милитаризируя образ школы, Гиваргизов, безусловно, фиксирует тревожный симптом — лишение современных детей детства (А. Гиваргизов преподает музыку в одной из музыкальных школ Москвы, знает школу изнутри). В этом смысле книга Гиваргизова, конечно, адресована взрослым: высокие требования, предъявляемые родителями и учителями к детям, гротескно выведены в образе учения как схватки, нападения: *Что ты, Сережа, сегодня не в духе? — / Спросили, кусая Сережу, две мухи. / — Его разморило от сильной жары, — / сказали, кусая его, комары. // — Давай улыбайся, и высуши слезы, — / сказали, кусая, пиявки и осы. // — Ведь нам непривычно, всегда был веселый, — // сказали, кусая, собаки и пчелы. // — А можетбыть, он заболел, вот и грустный? / — Отстаньте от мальчика, главное, вкусный!* [Там же: 91]. Это стихотворение из раздела «Комары и другие нас.»; речевая игра со словом «нас.» ориентирует на выстраивание поэтической семантики: не только комары нас мучают, но и кое-кто другой. Действительно, насекомые в этом разделе порой напоминают людей: Муха учит ребят порядку, и в ее голосе слышны интонации школьной уборщицы *(Позади три брода и два перевала, / Устали мои ребята, / Легли на траву. // Муха сказала: / — Теперь она будет примятая! Ишь, разлеглись! Здесь не кровать! / Это не ваша трава!/ Сказала муха. / Надо вставать. / Ребята, муха права* [Там же: 92]), комары и муравьи действуют заодно, нападая на ребенка, как хулиганы («Хулиганы» [Там же: 96], «Непривычно» [Там же: 93]).

Однако пафос Гиваргизова не только критический! В хороших школах учиться было тяжело всегда. Гиваргизов не обличает, а предлагает детям способы компенсации, способы самозащиты во взрослом мире — и в этом смысле книга адресована в первую очередь детям. Гиваргизов, переворачивая все и вся, сам лично демонстрирует, как сделать существование во взрослом мире более сносным: только посредством игры. Именно игра — первый механизм защиты от навязываемого взрослыми порядка и режима.

Игра ведется поэтом на самых разных уровнях книги.

Во-первых, ситуация игры просто тематизируется: в книге немало стихотворений о театре, о театральной игре; нередко стихотворение строится как сценка, представляет собой обмен репликами разных персонажей [Там же: 23—25].

Во-вторых, Гиваргизов играет с адресацией текста. Нередко стихотворение представляет собой монологическое высказывание героя, обращенное к собеседнику, причем адресатом высказывания ощущает себя и читатель: *Слышали выстрел? Сейчас услышите гром. / Даже из окон выглядывает милиция: / Что случилось? Это я по стене ведром. / Готовлюсь к спектаклю, генеральная репетиция* (стихотворение «Мастер по шуму» [Там же: 52]). Подобная коммуникативная обращенность текста делает проницаемой границу, отделяющую героя от читателя, впускает читателя в мир книги, а героям книги — особенно шумным и отчаянным — дает убежать, покинуть книгу.

В-третьих, игра возникает из соотнесения стихотворения с иллюстрацией: персонаж стихотворения и тот же персонаж на иллюстрации Елены

Блиновой названы разными именами (например, в стихотворении «Эстафета» героиня Лена, а на иллюстрации Е. Блиновой она же — Света [Там же: 40]; в стихотворении «Наконец-то борода…» счастливым обладателем бороды является Саша, а на иллюстрации бородатый мальчик назван Витей [Там же: 50]).

Вера поэта в ребенка, его внутренний потенциал, в благополучный исход «ранней социализации» воплощается в образной структуре книги. Именно маленькие существа — дети, мышки — оказываются терпеливее, выносливее, сообразительнее, чем «большие» герои: *Показалось однажды мышке, / Что у нее слабые мышцы: / „Слабые мышцы. С получки / Надо купить гантели“. / Через месяц знакомые кошки / Посмотрели на мышкины ножки, / На спину и грудь посмотрели / И сказали: — Такого сюрприза!.. / Нет, ну такого сюрприза!.. / Ужас какой-то! Крыса! / Нет, ну такого сюрприза!..* [Там же: 116]. Детская непосредственность (в стихотворении «Терпеливый ученик» ребенку надоело сидеть на уроке, он встал и ушел [Там же: 55]), фантазирование («На верблюде», «Приключенье») — то, что, к счастью, в детях невероятно устойчиво.

В поэтическом мире книги «Про драконов и милиционеров» существует образ нормального, адекватного взрослого «я»: *Я, на море отдыхая, / Целый день лежал в воде. / У меня звезда морская/ Поселилась в бороде. / Я ее и не заметил, / Так и вышел, не прогнал. / И за мной бежали дети / И кричали: „Генерал!“* («Генерал» [Там же: 76]). Лирический герой стихотворения — взрослый, но ведет себя как ребенок. Подобный лирический герой встречается еще в двух стихотворениях («Полет самолета по нотам» [Там же: 56] и «Готов всегда» [Там же: 58]), но его присутствие заметно и является значимым элементом художественного целого.

Таким образом, специфика образной структуры книги, установка текста на коммуникацию, вычленение в субъектной структуре голоса нормального «я» взрослого человека, игровой принцип построения стихотворного текста выражают авторскую позицию — она оптимистична. Контрапункт пессимизма, ощущаемого нами в затекстовой, реальной ситуации, и веселого взгляда на жизнь создавшего книгу автора создает то напряжение, которое делает книгу, во-первых, цельной, во-вторых, очень нужной — прежде всего из-за ее исцеляющей силы. Стихотворения Артура Гиваргизова — приглашение вместе осмеять страхи; признание взрослым того, что жизнь ребенка сложна; послание к ребенку, говорящее о готовности взрослого помочь.

Ключевая для Гиваргизова идея игры по-своему воплощается в книге Е. Клюева «Учителя всякой всячины» [Клюев 2009], на первый взгляд совершенно не похожей на книгу Гиваргизова. У Гиваргизова образ учителя снижен, у Клюева учитель опоэтизирован. Каждое стихотворение книги посвящено учителю. Нот при этом Клюев и Гиваргизов близки в оценке происходящего, поскольку каждый из учителей в книге Клюева учит какой-нибудь ерунде, игре: *Игнат Велосипедович Рожков / учил оттаиванию кружков / на ледяной поверхности окон…* [Там же: 16]; *Никитой Урагановичем Дюжим я обучался шлепанью по лужам…* [Там же: 20]; *Нинель Орловна Самородочек пусканию учила лодочек в эмалированном тазу…* [Там же: 27]; *Галина Пустяковна Сельдерей учила ловле мыльных пузырей…* [Там же: 32]. Не потому ли, что игра стала занимать в жизни слишком мало места, будучи замененной взрослыми делами? Если так, то легко объясняется установка Клюева на создание образа старомодного слога: *Вместе с Павлом Пневичем Тименчиком / мы бренчали шелковым бубенчиком, / выходя на Чистые Пруды, — / и, чудесной музыкой влекомые, / птицы, звери, рыбы, насекомые / подпевали нам на все лады* [Там же: 46]. Обращает на себя внимание синтаксис стихотворений: длинные, распространенные предложения с обилием причастных и деепричастных оборотов, вводных и вставных конструкций; старомодна и грамматика окончаний, многочисленны примеры традиционной поэтической лексики. И, кстати, понятнее становится подзаголовок книги: «Книга на промокашках» — о промокашках забыли намного раньше, чем об играх.

Итак, милитаризация образа школы и учения, многочисленные перевертыши в книге А. Гиваргизова, а также установка на старомодность в книге стихотворений Е. Клюева призваны обратить внимание на напряженную ситуацию, в которой существуют нынешние дошкольники и школьники. А поскольку школьная тема является темой вечной, ибо все через это прошли, адресованы эти книги и детям, и взрослым. Для первых они — терапия и врачевание, для вторых — повод к размышлению и осердечиванию отношения к нежному возрасту — детству.

ЛИТЕРАТУРА

Артур Александрович Гиваргизов // Тамбовская областная детская библиотека. URL: http://odb.tamboff.ru/index.php?id=73&place=content.

Гиваргизов А. Про драконов и милиционеров. — М. : Эгмонт Россия, 2006. (Школа прикола).

Книжное казино: издательство «Эгмонт Россия». URL:http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/526851-echo/.

Клюев Е. Учителя всякой всячины. Книга на промокашках. — М. : Livebook : Гаятри, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская